

Александр Филиппов*

К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта**

Аннотация. Статья представляет собой послесловие к изданию на русском языке книги Карла Шмитта «Номос земли в праве народов *jus publicum Europaeum*». В статье сделан акцент на историко-биографических условиях создания этой книги, а также на проблематике свободы, неожиданно появляющейся у позднего Шмитта.

Ключевые слова. Карл Шмитт, пространство, земля и море, свобода, действие.

I

«Номос земли в праве народов *jus publicum Europaeum*» – последняя большая монография знаменитого ученого. Она вышла в свет в 1950 году – несчастливое время в судьбе Европы, Германии и самого Шмитта. Окончание Второй мировой войны ознаменовалось тотальным поражением немцев; новая Германия, разделенная на два государства, только-только появилась, и хотя еще мало кто мог предполагать, насколько это всерьез и надолго, свершившееся разделение подводило черту под более чем столетней историей страны, обретшей единство во Втором рейхе и утратившей его с крушением Третьего. Это был конец *той самой*, имперской Германии, которая демонстративно устанавливала свое единство и преемственность по отношению к сердцевинной Европе, Европе *Империи*. Послевоенное время было также временем личной трагедии Шмитта. Он прошел сложный путь взаимоотношений с нацистами и нацистским режимом. В его биографии было и более чем сдержанное отношение к нацистскому движению, и внезапный, для многих совершенно необъяснимый переход на сторону партии, запрета которой он требовал несколькими месяцами раньше, и вступление в эту партию, и карьера, которая в первые годы после «великой национал-социалистической революции» стремительно пошла вверх, и быстрое, бесславное окончание карьерного роста уже во второй половине 30-х годов. К 1945 г., как показано во многих хорошо документированных исследованиях, отношения Шмитта с режимом были далеко не радужными. Не будучи ни в каком смысле оппозиционером, он тем не менее принадлежал к кругу тех интеллектуалов, которые глубоко разочаровались в происходящем. Но личное дистанцированное отношение Шмитта почти ничем не давало себя знать кроме изменения тона и содержания публикаций, тогда как его политическая ангажированность в 1933-1936 гг. была более чем заметной. Этого ему не забыли и не простили. После войны Шмитт был интернирован, и хотя в 1947 г. он вышел на свободу, отношение к нему как «юристу короны» при Гитлере сохранилось надолго. Шмитт вызывал куда большее негодование, чем Мартин Хайдеггер, Арнольд Гелен или Ханс Фрайер, тоже поддерживавшие нацистов – по разным мотивам, но в одно и то же время. Он пытался бороться и за свою репутацию, и за место под солнцем, но безуспешно. «В действительности, именно применительно к ситуации, возникающей внутри системы усиленного контроля, встают вопросы особого рода. Прежде всего, это вопрос о тотальности – мнимой или действительной, – и, далее, вопрос о том, объемлема ли та область, о которой идет здесь речь. Следовало бы спросить, насколько вообще возможно для политического властителя взять в свои руки духовную продуктивность народа таким образом, чтобы фактически не осталось свободной мысли, ничего, кроме безоговорочного [присятия власти].»

* **Филиппов Александр Фридрихович** – доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ.

** Впервые опубликовано в кн.: *Шмитт К.* Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 640-666. Перепечатано с любезного разрешения издательства

Возможность тотальной, стопроцентной тотальности – это первостепенная социологическая проблема. У духа – своя гордость, своя тактика, своя неотчуждаемая свобода и – прощу прощения – свой ангел-хранитель, и все это у него не только, скажем, в эмиграции, но и внутри [страны], в когтях самого Левиафана¹. Это хороший аргумент для всякого интеллектуала, благополучно пережившего тоталитарный режим. Но Шмитт был не *всякий*, а *тот самый*, и аргумент не сработал. Выпуская в 1950 г. один из самых значительных своих трудов, Шмитт еще не знал, что обречен всю оставшуюся, очень долгую жизнь провести в крошечном городе Плеттенберге, где он родился и вырос, провести ее «частным ученым», лишенным всех возможностей для работы и привилегий немецкого профессора².

Говоря самым поверхностным образом, книга о номосе – это попытка по-новому заявить о себе в ученом сообществе. Попытка не удалась, если принимать в расчет только ближайшие карьерные замыслы Шмитта. Но в более широкой исторической перспективе мы можем судить о ней иначе. Здесь присутствуют новые темы, новый материал, новый способ изложения, к которому, впрочем, Шмитт подходил уже с конца 30-х годов. Если в таких работах, как «Духовно-историческое положение современного парламентаризма», «Католицизм и политическая форма», «Политическая теология» и, конечно, «Понятие политического», Шмитт не просто исследует проблему, но вводит понятия, полемические по своей природе, т.е. не понятия для нейтрального, незаинтересованного описания, но понятия для борьбы, то «Номос» и родственные ему работы стилизованы, как говорят немцы, под речь мудреца, подводящего итоги многовековой истории. Однако такой подчеркнута неполемический тон мудреца никого не должен вводить в заблуждение. «Номос земли» – книга очень радикальная, возможно, еще более радикальная, чем те сочинения, которые в 20-30-х годах составили автору европейскую известность. Именно поэтому она не просто сохраняет свою актуальность, она обретает гораздо большую актуальность, чем прежде. Некоторые основания того, почему это происходит, очевидны. С одной стороны, трудное становление «единой Европы» привлекает внимание к работам тех мыслителей, которые размышляли над историческими судьбами этого единства, в том числе и к сочинениям Шмитта. С другой стороны, не только в Европе, но и во всем мире традиционные представления о территориальном суверенитете государств-наций становятся все более устаревшими. Требуется по-новому мыслить политическое пространство современного мира, и такие понятия, как «глобализация» или «мировая система» часто оказываются недостаточными, они позволяют сделать слишком мало и должны уступить место более изощренному категориальному аппарату. Для этого используются самые разнообразные ресурсы, старое различие между правыми и левыми, сторонниками прогресса и консерваторами работает всё хуже.

Шмитт оказывается в этой ситуации очень кстати: много десятилетий его не то чтобы не замечали или оставляли в совершеннейшем забвении, но просто не решались обращаться к его творчеству как источнику вдохновения, суждений, понятий и ходов мысли, которые важны сами по себе, независимо от политических предпочтений, политической судьбы и даже политической вины автора. Теперь это ограничение практически снято. Показателен в этом смысле, например, известный американский журнал *Telos* (вкуче с одноименным издательством), за последние полтора десятка лет превратившийся в один из важнейших центров, привлекающих внимание к наследию Шмитта и, можно сказать, пропагандирующий это наследие. Не менее показательно широкое использование идей Шмитта политически совершенно чуждыми ему и в наши дни очень влиятельными авторами, такими, скажем, как М. Хардт и А. Негри, Дж. Агамбен или Ш. Муфф. Шмитт – посмертно – вернулся в истеблишмент политической философии и политической науки, на него принято ссылаться, радикальная мысль часто ищет в нем не столько оппонента, сколько

¹ Schmitt C. Ex captivitate salus. Erfahrungen der Zeit 1945/47. Köln: Greven Verl., 1950. S. 15-16.

² В отличие, например, от другого влиятельно юриста нацистской Германии Отто Кёлльройтера, также проведшего несколько лет в заключении после 1945 г., но впоследствии *формально* вышедшего на пенсию.

союзника, а умеренно-прагматические авторы видят в его книгах дополнительный ресурс для своих изысканий.

На что же следует обратить внимание, приступая к позднему, сравнительно мало знакомому для отечественного читателя Шмитту? Прежде всего мы можем исходить из того, что книга, подобная «Номосу земли», в дополнительном представлении не нуждается. Она по-прежнему и даже более, чем прежде, может говорить *сама по себе* и *сама от себя*. Но есть и другая сторона медали. «Номос земли» написан, говорит Шмитт, – и так он повторяет в 50-е и 60-е годы неоднократно, в том числе и по поводу своих более ранних сочинений, – юристом и для юристов, причем даже не всех юристов, а международников, специалистов по истории европейского международного права. Это – правда, но, видимо, только часть правды, в его словах чувствуется и стремление защитить себя от нападков. Но, в конце концов, сам Шмитт признавал, что *дальнейшая судьба* книги уже не может зависеть от воли автора. Ее читают и понимают очень по-разному. Мы хотим предложить один из таких способов чтения, рассмотрев некоторые аспекты рассуждений Шмитта, которые заслуживают особого внимания более широкого, нежели юристы-международники, круга гуманитариев. Речь не может идти о сколько-нибудь подробном анализе, который неминуемо разросся бы до совершенно невозможных объемов. Мы хотим привлечь внимание лишь к некоторым аспектам этого монументального труда в связи с общим характером политической философии Шмитта.

II

Для правильного понимания исследовательской идеологии «Номоса земли» следует обратиться, помимо этой работы, к нескольким сочинениям Шмитта, в которых важные для нас темы получают дополнительное развитие. Прежде всего это книжка «Суша и море», вышедшая в свет в 1942 г. и переизданная вскоре после «Номоса», в 1954 г. С нее мы и начнем. «Человек, – пишет Шмитт, – существо сухопутное», он – *Landtreter* – тот, кто ступает по суше³. И даже планету свою он называет «Земля», хотя три четверти ее поверхности покрывают воды. Мысль о том, что его существование может определяться какой-то иной стихией столь же сильно, как и землей, кажется поначалу фантастической. Здесь мы впервые сталкиваемся с понятием стихии, и поскольку Шмитт говорит дальше о стихиях неоднократно, мы должны остановиться на нем несколько более подробно. Во всех релевантных сочинениях Шмитт возвращается к стихиям, тем четырем стихиям земли, воды, воздуха и огня, о которых говорили уже древние. Насколько приемлемо такое рассуждение для современного ученого? С одной стороны, эти речи являются, конечно, вызовом естественной науке, которая расчленяет материальный мир на все более мелкие, невидимые составляющие. Она полностью отказалась от традиционного языка описаний, в которых речь шла о четырех стихиях. С другой стороны, смысл и характер этого вызова состоят совсем не в том, чтобы просто вернуться в прошлое и в середине XX века заговорить языком древних. «"Стихии" суши и моря не следует представлять себе как только естественнонаучные величины. Иначе они бы сразу разложились на химические составляющие, т.е. превратились в историческое ничто. Исходящие от них определения, в особенности сопряженные с сушей и морем формы исторического существования, действуют тоже не механически-насильственным образом»⁴. Иными словами, разговор о суше и море – это разговор не возвышенно-поэтический, как бы завораживающе ни звучала временами речь автора, это не заклятие мифических стихий, но нечто иное. Рассуждение Шмитта – достаточно ясное и трезвое, поддающееся рациональной реконструкции.

Чтобы разобраться в нем, попробуем воспроизвести его в иных терминах. Итак, о чем же говорит Шмитт? Он говорит о человеческом действии. Действие, как нам подсказывает знание традиции, должно иметь некую причину или основание. Обладающий способностью

³ *Schmitt C. Land und Meer. Köln: Hohenheim (Maschke Edition), 1981. S. 7.*

⁴ *Ibid. S. 13.*

свободного размышления и выбора человек действует не так, как неодушевленный предмет, испытывающий внешнее воздействие. Он действует не под влиянием внешних импульсов, но на основании соображений о благе. Кто свободно размышляет или привычно действует, когда-то свободно рассудив, *что именно он считает для себя благом*, тот и есть свободный человек, гражданин, член политического сообщества. «Быть политическим, жить в полисе, – скажем мы вместе с Ханной Арендт, – означало, что все дела улаживаются посредством слов, способных убедить, а не принуждением или насилием»⁵. То, что человек, по Аристотелю, есть существо политическое, может быть правильно понято, продолжает она, только если сюда добавляется вторая характеристика: человек обладает логосом. А это, в свою очередь, предполагает, что «человеческую способность к политической организации надо не только отделять от природного общежития... но даже подчеркнута противопоставлять ему»⁶. Разумеется, так понимаемое свободное и политическое действие разумного человека оказывается в значительной степени привязанным к историческим обстоятельствам. Тем, кто живет в эпохи, последовавшие за расцветом свободного полиса, трудно бывает понять самый смысл подобных высказываний, не говоря уже о том, чтобы обнаружить нечто, соответствующее им в реальной политической жизни. И все-таки представление о человеке как разумном существе, рассудительно выбирающем благо и стремящемся своими действиями достигнуть этого блага, глубоко укоренено в западной политической философии.

Шмитт очень определенно занимает позицию именно по отношению к этому главному пункту. «Научное рассмотрение вопроса о совместной жизни людей расчленено по разным специальностям – между юристами, экономистами, социологами и многими другими. Необходимо объемлющее рассмотрение, ориентированное на познание действительной взаимосвязи. Научная проблема состоит поэтому в том, чтобы найти основные категории, простые и очевидные, которые позволили бы верно поставить вопрос, безотносительно к отдельным дисциплинам»⁷. Это рассмотрение Шмитт предлагает начать с категории *Nomos*. Буквально это греческое слово переводится как «закон», однако Шмитт исследует его более глубоко, специально оговаривая, что не претендует на собственно филологическое изыскание. Тем не менее он указывает, что слово это – субстантивированный глагол действия и подобно тому, как *Logos* происходит от *legein*⁸, так *Nomos* происходит от *nemein*. Что же означает это последнее? В первую очередь – «брать», и немецкое *nehmen* весьма созвучно греческому *nemein*⁹. При субстантивации глагола получается «взятие», непривычное нам по преимуществу в иных смыслах и словосочетаниях, кроме военного захвата. Но, кроме того, *nemein* означает «делить» и, будучи субстантивированным, обозначает действие и процесс деления. *Nomos* – это деление, получение своей доли. Третье значение этого слова – «пасть»¹⁰. Шмитт трактует его как производительный труд. Смысл «номоса» определяется здесь способом производства и переработки благ. Все эти три аспекта относятся к сущности любого правового и общественного порядка, какой только бывал в истории. И всякий раз, при любом порядке, в любом социальном, экономическом или правовом учении ставится простой вопрос: «Где и как здесь берут? Где и как здесь делится? Где и как здесь производится?». Но порядок этих

⁵ Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. СПб.: Алетея, 2000. С. 37.

⁶ Там же. С. 34.

⁷ Schmitt C. *Nehmen / Teilen / Weiden. Ein Versuch, die Grundfragen jeder Sozial- und Wirtschaftsordnung vom Nomos her richtig zu stellen // Schmitt C. Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924 -1954. Materialien zu einer Verfassungslehre*. 3. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1985. S. 489.

⁸ Одно из значений – говорить, вести беседу.

⁹ Русское ухо, конечно, сразу слышит «имать», то есть «брать». Отсюда уже совсем чуждое для нас «имание».

¹⁰ Немецкое слово «weiden», которое использует Шмитт, русские словари передают только в значении переходного глагола. Но немецкие на первое место ставят именно это: пасть, самому искать себе корм на пастбищах. См., также: Кожев А. Колониализм с европейской точки зрения / Пер. А. М. Руткевича // Кожев А. Атеизм. М.: Праксис, 2007. С. 400. Кожев считает, что значение этого слова – «радоваться (то есть употреблять или потреблять)». Он также добавляет четвертое значение: «давать», которое находится в связи с «делить». В английском переводе «weiden» превращается в «production», т.е. «производство».

вопросов различен, именно порядок представляет собой наибольшую проблему. «Вплоть до XVIII в. – эпохи промышленной революции – в Европе порядок и следование [вопросов] однозначно основывались на том, что самоочевидной предпосылкой дальнейшего деления и производства признавалось некое взятие ... Суша, земля и почва была предпосылкой всего дальнейшего хозяйства и всего дальнейшего права»¹¹. История народов – это история занятия земель, будь то взятие ранее свободных или завоевание тех, что принадлежали другим. И уже то, что занято, должно быть разделено, роздано. Конкретный порядок покоится на таком делении, и оно остается в памяти как нечто более значительное, чем изначальное взятие земли. Это рассуждение касается не только философии права. Оно лежит в основании всей практической философии Шмитта, его учения о действии и совместной жизни людей.

Чтобы подойти к этой теме ближе, мы должны сделать отступление и затронуть едва ли не наиболее *одиозное* сочинение Шмитта из числа его собственно теоретических работ – «Порядок больших пространств»¹². Эту брошюру американские обвинители Шмитта в Нюрнберге безуспешно пытались представить в качестве юридического обоснования нацистской агрессии. Разумеется, она не служила этой цели, хотя в высокой степени отражает знаменитый оппортунизм автора. Шмитт не обосновывал германскую агрессию, нацистам не нужны были теоретические разработки Шмитта. Притом его собственное стремление представить *после* Второй мировой войны сочинение, выпущенное *в год ее начала*, как сугубо академическое исследование вопросов международного права, хотя и не лишено оснований, не может не порождать серьезные сомнения – но не более того. Для нас существенно, что эта книжечка в определенном отношении более радикальна и *теоретически* более откровенна, чем его позднейшие публикации.

Помимо прочего, Шмитт говорит здесь *в самом важном, теоретически наиболее принципиальном месте*, как раньше, например, в «Левиафане»¹³, о значении еврейства и «еврейского духа». Его он считает ответственным за совершенно неправильное понимание пространства. Политическая подоплека этой позиции очевидна, как и то обстоятельство, что *также по политическим* причинам Шмитт уже не мог акцентировать свою позицию в этой части после войны, в книге о «Номосе земли», лишившейся в силу этого одного из элементов теоретического напряжения. Главное, что инкриминирует юристам (и вообще социальным ученым) еврейского происхождения Шмитт, – это, во-первых, *нормативизм* и, во-вторых, представление о пространстве как о *пустом вместилище*. К проблеме нормативизма мы перейдем ниже, а пока остановимся именно на понимании пространства. Еврейское влияние, о котором Шмитт говорит столь подробно, названо последним, четвертым из факторов, обусловивших радикально ложное, по Шмитту, отношение к пространству среди юристов. Первым фактором он называет полемическую направленность против старых феодальных представлений о праве и почве. Вторым – «барочные и репрезентативные представления» о «почве народа» как о «сцене», на которой разворачиваются действия высшей власти. Третий фактор – это позитивистское, естественнонаучное понимание пространства как общей формы совершения событий. Право, согласно такому пониманию, действует, поскольку приказы, основанные на праве, обращены к людям. Люди находятся в пространстве, поэтому и право имеет отношение к пространству. Иначе говоря, пространство тогда предстает как пустой контейнер, в котором любое место может быть заполнено людьми, к которым, в свою очередь, могут быть обращены приказы. И, наконец, четвертым фактором в этой связи Шмитт называет еврейское влияние. Как и следовало ожидать, содержательно оно вполне совпадает у Шмитта с *духом современности*. Евреи, говорит он, не имеют собственной почвы, а потому связь народа и почвы им непонятна. Поэтому Шмитту остается лишь

¹¹ Ibid. S. 492-493.

¹² Schmitt C. Die völkerrechtliche Grossraumordnung, mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin, Leipzig: Dt. Rechtsverlag, 1941.

¹³ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / Пер. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. Гл. 6.

сообщить, что «новой теории пространства» они не создали, однако внесли существенный вклад в разложение старых порядков.

В этой связи он резко отзывается о Георге Зиммеле. Шмитт не цитирует Зиммеля, но можно понять, что речь у него идет о знаменитой «Социологии пространства»¹⁴. В самом начале этой статьи Зиммель говорит, что нельзя приписывать пространству каузальное действие. Пространство, по Зиммелю, не может быть причиной, потому что оно является не более чем формой наших представлений. Этот взгляд, собственно, кантовский, и Зиммель обращает этот аргумент против всех форм географического детерминизма. Но Зиммель не останавливается на этом, он показывает, сколь часто дела обстоят так, словно бы пространство имело действительную силу, было как-то причастно к модификации человеческих поступков и смыслов совместной жизни людей. Зиммель – единственный из великих социологов, кто показывает подлинное значение пространства. Он говорит, в частности, о *солидарности* с «частью пространства», т.е. об ощущении людьми своего единства с территорией, на которой они живут. Он говорит и о пространстве, которое из «ничто» становится значимым. Зиммель так определял отношение между созерцанием и действием: пока люди изолированы друг от друга и находятся на своих местах, пространства между местами их пребывания и деятельности, собственно, нет; оно, «практически говоря, ничто». И только взаимодействие, для которого возникает надобность в нем, пусть даже надобность в нейтральном, ничейном пространстве, превращает его в некое «между», тогда-то оно оказывается заполненным и оживотворенным¹⁵. Зиммель показывает, что одно и то же пространство может иметь разный смысл: исключительный (например, на территории государства не может размещаться другое государство) и не исключительный (например, в средневековом городе несколько цехов считались цехами всего города, а не только тех его частей, где жили члены цеха). Зиммель показывает, что пространство города может пониматься как четко очерченный фрагмент более обширной территории, но может пониматься иначе, когда в расчет берут *излучение*, духовное влияние города далеко за его пределами. Наконец, Зиммель в знаменитом экскурсе «Чужак» связывает социальное значение евреев как чужаков с тем, что они приходили *извне* пространства некоторой группы и оставались *внутри* группы, на ее территории, будучи чужды ее социально-пространственному единству. Фактически (это мог бы показать детальный анализ) Шмитт заимствует у Зиммеля многие важные темы и, пожалуй, даже элементы рассуждения. И все-таки Шмитт, которому, в смысле интеллектуальной честности, можно было бы здесь предъявить немало претензий, прав, когда говорит о том важном, что разводит его и авторов, на которых он нападает, в том числе и Зиммеля.

Это важно состоит в том, что *даже* Зиммель *принципиально* продолжает оставаться на позиции современной ему науки и философии. Наука для него – на рубеже XIX—XX вв. – это наука, признающая пространство как таковое *пустым*, формой произвольного и бесконечного множества разнородных вещей. Так понятой науке соответствует «современная философия», модифицированное разными школами неокантианство¹⁶. Для Шмитта дело обстоит иначе. Он также стремится стать на почву современной науки, но уже позднейшей, той, что представлена для него именами Макса Планка и Виктора ф. Вайцеккера. С этой новейшей точки зрения, которую Шмитт сопоставляет и сопрягает с досовременным пониманием, пространство оказывается *рамочным понятием*, обозначающим многообразные и в определенном смысле равноправные представления о пространстве. Конкретный порядок – это порядок совершения событий и размещения

¹⁴ *Simmel G. Soziologie des Raumes// Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. S.132-183. Подробнее о социологии пространства Зиммеля см.: Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. Гл. 3.*

¹⁵ См.: *Simmel G. Soziologie. Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. S. 689.*

¹⁶ Отношение Зиммеля к «пустому пространству» не сводится к его пониманию как «контейнера». Это последнее он как раз оспаривает, в частности, выясняя значение кантовского понятия формы. Но в данном случае тонкостями различий можно пренебречь.

учреждений политической и правовой жизни, который невозможен не только безотносительно к пространству, но и в пустом безграничном пространстве. Не пространство представляет собой конкретный порядок, но конкретный порядок учреждений, прав и событий представляет собой пространство и определяет то пространство, в котором он размещен. Так, живое существо находится не в абстрактном геометрическом пространстве, но в окружающем мире, который значим для него и который определяется органическим устройством этого существа, как об этом говорит немецкая теоретическая биология и, вслед за ней, философская антропология 20-х—40-х годов.

Это соединение пространства с конкретным порядком означает отказ от абстрактных мерок в качестве абсолютных масштабов. Но дело не просто в измерениях, хотя политическое значение абстрактных, оторванных от наглядных определений мер очень велико. Дело также в сопоставимости и совместимости пространств¹⁷. В пустом контейнере может быть размещено что угодно – за единственным исключением: одно и то же место не может быть занято разными вещами в одно и то же время. Вещь не становится другой оттого, что она занимает другое место, она остается той же самой, но на другом месте. Напротив, когда пространство берется в связи с конкретным порядком, оказывается, что простая смена собственника по отношению к участку земли, перенос межей и границ, изменение очертаний территории, снос и возведение строений и т.п. небезразличны для характеристик пространства. Оставаясь пространством, оно всякий раз становится другим пространством, меняется в существе, а не в количестве.

Поэтому и «большое пространство» – словосочетание, которое означает нечто иное, нежели простое превышение одного количества над другим. В *большое пространство*, говорит Шмитт, идет излучение *рейха*, империи¹⁸ как его организующего, определяющего начала. Иначе говоря, большое пространство нельзя просто составить из малых, оно не делится на малые пространства, а само представляет собой неделимую единицу пространственной организации. Поэтому измерить его величину в абстрактных, оторванных от конкретики единицах невозможно. Конечно, эта идея сформулирована еще в слишком общей форме, а основной, юридический, пафос Шмитта не предполагает подробной проработки философски и социологически слабых мест. Но, будучи очищена от актуальных (именно для своего времени) и темных (для большинства нынешних читателей Шмитта) юридических тонкостей, ключевая идея Шмитта может быть изложена следующим образом.

Нельзя представлять себе дело так, будто все пространство Земли поделено между равноправными, территориально хорошо отграниченными друг от друга государствами. На самом деле есть государства, которые лишь по видимости являются таковыми и не могут удержать свой суверенитет над территориями, есть великие державы и есть межгосударственные территории, которые на первый взгляд подпадают под юрисдикцию общего для всех международного права, но фактически регулируются в свою пользу. Империи, рейхи – это как раз такие мировые силы, и разговор идет о том, как распространяется их влияние на сферы, далеко выходящие за границы политических единств. У этого аргумента есть философская составляющая, которую мы и пытаемся реконструировать.

Начнем с того, что уже было сказано выше. Действие, говорит Шмитт, прежде всего совершается в пространстве. Что это за пространство? Оно – совсем не бескачественное вместилище протяженных вещей, о котором мы знаем с Нового времени. Разумеется, если современный ученый станет, по доступным источникам, прочерчивать пути передвижения

¹⁷ Когда измерения проводятся при помощи более абстрактных, чем прежде, единиц, это означает, что одни и те же меры прилагаются к разным вещам. Прежде несопоставимое делается сопоставимым. Это может произойти, если есть политический интерес и политическая воля к такому абстрагированию, например, при установлении государственного абсолютизма на больших территориях, охватывающих места прежде автономных образований.

¹⁸ В «Порядке больших пространств» Шмитт настаивает на том, что «*Imperium*» и «*Reich*» – слова разные и реальности с ними связаны разные. В «Номосе земли» оказывается, что различием между ними, по большей части, можно пренебречь.

занимающих землю народов, если станет вычислять местоположение Трои или площадь Ареопага, он воспользуется современным аппаратом описаний. Но точно так же очевидно и другое: действия людей, их совместная жизнь, политическое и правовое существование были связаны с другим представлением о пространстве, не похожим на современное. Пространство могло и тогда казаться пустым – но лишь постольку, поскольку в нем не совершалось действий. Действия, а также границы, борозды, межи, столбы – все вещи, в которых учреждающая деятельность человека получает зримое выражение, – впервые только и дают пространству его определенность. Но это – не все о действии.

Действие имеет основание, резон. Таким резонансом может быть стремление к благу, и Шмитт отдает должное этому старому понятию действия, ставя на первое место в ряду мифических представлений о земле следующее: «Во-первых, в самой себе, в лоне своей плодovitости, таит плодородная земля внутреннюю меру. Ибо за труды и старания, за посевы и обработку воздает она человеку по справедливости – тучностью и урожаем»¹⁹. Это и относится к тому, что он называет «пасться», т.е. добывать трудом блага. И тут же Шмитт продолжает: «Во-вторых, вспаханная и обработанная человеком почва обнаруживает устойчивые линии вмятых делений. Они прорезаны в ней межами полей, лугов и лесов. Они врастают в нее границами посевов и посадок, различием общинных земель и возделанных нив, пашни и парового клина. В этих линиях выражаются те критерии и правила, в соответствии с которыми совершается труд возделывающего землю человека»²⁰.

Земля – сначала кормилица, а уже потом – носительница сделанных человеком разделений. С этого начинается «Номос земли». Но принципиальным образом и в «Номосе земли», и в цитированном выше сочинении «Брать – делить – пасться» Шмитт на первое место среди значений *nemein* ставит «брат». Должна ли земля быть сначала взята и разделена, чтобы можно было с нее питаться? Или в логическом отношении приоритет должен быть отдан стремлению прокормить себя как основание действия ради блага? Позднейшие изыскания Шмитта, в особенности рассуждения о Гоббсе, которыми он завершает последнее прижизненное издание «Понятия политического»²¹, показывают, что в основании всякого политического устройства, в его подоснове, лежит, по Шмитту, система потребностей. На удовлетворении материальных потребностей строится политическая система защиты и повиновения. Но что это значит? Видимо, понимать это надо следующим образом: в уже состоявшемся политическом порядке деление и производство более важны, чем взятие земли, о котором *забывают*, так что пребывание на ней кажется самоочевидным, а вот производство и распределение – по меньшей мере, может быть тематизировано. Уже то, что этот порядок – есть, вот он, *здесь*, – означает свершившуюся локализацию. Земля взята, занята, пространственные границы возможного действия заданы, остается только определить, как производить и как делить. Пространство сохраняет значение, но это пространство статическое, взятие которого совершилось однажды и не относится к актуальным событиям. Именно поэтому обрабатываемая земля показывает человеку «устойчивые линии вмятых делений», которые свидетельствуют о состоявшемся занятии пространства. Устойчивое расположение вещей, границы, координаты, вообще все прочное, вмятно положенное на свое место, так или иначе связаны с пространством покоя. Пространство покоя – это конкретное вместилище, пусть и понимаемое по-разному в разные эпохи. Пространство покоя дано (1) в деятельности и (2) в созерцании. При этом, созерцание обнаруживает именно то, что произведено деятельностью²², хотя бы только деятельностью завоевательной. Социальное значение не примысливается к пространству дополнительно,

¹⁹ Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des *Jus Publicum Europaeum*. 3. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988. S. 13.

²⁰ Ibidem.

²¹ См.: Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. S. 122.

²² Иначе говоря, речь идет о «производстве пространства», если воспользоваться известной формулой Анри Лефевра. См.: Lefebvre H. La production de l'espace. P.: Anthropos, 1974.

оно встроено во все разделения, очертания, все то, что, собственно, и позволяет находить в нем опору для созерцания и деятельности. Право связано с отношением к пространству не только так, что оно значимо на какой-то территории, но оно просто неотделимо от нее. «Великие перво-акты права остаются ... локализациями, привязанными к земле»²³.

Именно в сравнении со статикой земли и ее порядков Шмитт определяет значение моря. Море как нечто видимое, осязаемое, конечно, ничуть не менее доступно созерцанию, чем земля. Море тоже может быть средой деятельности. Но море принципиально противится статике. *Стихия свободной стихии* не может быть средой проведения границ. Границы в море могут быть проведены, конечно, но они требуют мышления и воображения куда более, нежели созерцания. Как говорил Зиммель, «граница – это не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму»²⁴. Море же – неподходящая среда для формы. Оно требует со стороны познания напряжения способности воображения, не опирающейся на данные созерцания – так мы мечтаем о невиданных землях, созерцая одну лишь водную поверхность. Деятельность в море не сталкивается с результатом ее овеществления как пределом, который она кладет себе сама. Деятельность в море остается чистой деятельностью, результат которой не закрепляется в среде совершения действий.

Конечно, нам, нынешним, известны понятия морских путей, прибрежных и нейтральных вод, по дну морей и океанов проложены коммуникации, мы находим в нем искусственные острова и т.д. Но все это известно и Шмитту, который, тем не менее, считает возможным рассуждать именно так. Человеческое тело определенным образом устроено, и человеческая способность деятельности неотделима от созерцания. Поэтому первичный базис созерцания и деятельности имеет ключевое значение. «Человек имеет определенное "сознание" своего пространства, подверженное великим историческим изменениям. Многообразным формам жизни соответствуют столь же разнородные пространства. Даже в одну и ту же эпоху для практики повседневной жизни окружающий мир отдельных людей уже по-разному определяется их разным жизненным призванием ... Еще глубже и больше различия в представлениях о пространстве, когда речь идет о разных народах»²⁵. Это суждение – одно из ключевых для понимания замысла Шмитта.

Мы уже упоминали, что деятельность человека не определяется в наши дни теми же самыми *стихиями*, какие видел в суше и море человек древности. Все переменялось. Но это изменение, часто понимаемое как прогресс научного познания от непосредственно данного к все более глубокому постижению невидимой сути вещей, Шмитт представляет по-другому. Он ставит вопрос об истоке отказа от того, что связано с прочными линиями, твердыми границами, которые видны, осязаемы, прямо навязывают себя созерцанию. Он ставит вопрос о том, что происходит с пространством как пространством закона, когда взор наш обращается к морю и море становится средой деятельности человека. Он обнаруживает здесь *свободу*: свободу торговли, свободу морей, свободу миссионерской деятельности и пропаганды, свободу хозяйства и рынка – это еще не все, если судить только по предметному указателю.

Довольно перечислений: он обнаруживает свободу. Стихия моря – среда свободы. Оно забирает надежность, оно дарует отсутствие ограничений. Шмитт называет *maritime Existenz* не просто пребывание в море в течение какого-то времени, но признание его первичной стихией человеческого существования. *Maritime Existenz* имеет серьезные последствия.

«Все доглобальные порядки были по существу сухопутными (*terran*), даже если они содержали в себе господство над морем и талассократии. Изначально сухопутный мир изменился в эпоху открытий, когда земля впервые была охвачена и измерена глобальным сознанием европейских народов. Так возник первый номос земли. Он покоился на

²³ Schmitt C. Der Nomos der Erde. Op. cit., S. 15.

²⁴ Simmel G. Soziologie. Op. cit. S. 697.

²⁵ Schmitt C. Land und Meer. S. 55.

определенном отношении пространственного порядка прочной суши к пространственному порядку свободного моря и 400 лет был носителем европоцентричного права народов – *jus publicum europaeum*. Тогда, в XVI в. именно Англия осмелилась сделать шаг от сухопутного к морскому существованию. Следующим шагом была промышленная революция, в ходе которой земля была охвачена по-новому и по-новому измерена»²⁶.

Это – один из центральных аргументов Шмитта. Земля может быть местом порядка, точнее, для человека она не может не быть местом порядка, его место – место пребывания, труда, дележа – это место его социального и правового существования. Поскольку он ведет совместную с другими жизнь, она не может не быть правовой, но право – и это вновь следует подчеркнуть особо – привязано к конкретному порядку, а порядок, в свою очередь, к месту. Как это связано с сухопутным и морским существованием, с промышленной революцией и техникой?

Чтобы разобраться в этом, следует напомнить о борьбе Шмитта с нормативизмом. Под нормативизмом он понимал такое воззрение на право, согласно которому норма не принадлежит в полном смысле слова к человеческому миру. Она *значима*. И хотя фактически действие норм должно быть реализовано вполне человеческими учреждениями, самая значимость их выше любого учреждения и не им обосновывается. В 20-е годы критика Шмитта была направлена, в частности, против знаменитой чистой теории права Ханса Кельзена²⁷. Для Кельзена, как известно, имело значение логическое исследование той стороны права, которую следовало очистить от всех исторических, национальных, культурных и прочих определений, имеющих значение для других наук, но не для теории права как таковой. Вот что говорил о подходе Кельзена Шмитт: «Из юридического понятия устраняются все социологические элементы, чтобы получить совершенно чистую, без искажений систему вменений нормам и последней единой основной норме ... Но единство правопорядка, то есть государства, остается в рамках юридического "очищенным" от всего социологического»²⁸. Шмитт придавал значение не идее права *как таковой*, а действительности права. Свою позицию в это время он идентифицировал с *децизионизмом* Л. де Бональда, Ж. де Местра, Д. Кортеса. Позже, в 1933 г. он выступил с критикой децизионизма и нормативизма. Первый, по Шмитту (в пример он приводит *Гоббса*), принадлежит XVII в. и пробивающему себе дорогу абсолютизму. Второй принадлежит XVIII в. с его понятием права, основанного на разуме. Наконец, в XIX в. появляется дуализм государства и гражданского общества, которому соответствует дуалистическое сращение децизионизма с нормативизмом. Этому дуализму приходит конец в «новом рейхе», где исчезает разделение государства и общества и открывается простор «конкретному мышлению о порядке»²⁹. А конкретный порядок, как мы видели, связан с пространством.

Что же получилось с нормативизмом и децизионизмом? Что касается первого, вопрос достаточно прост. Норма, чистая норма, по определению оторвана от всякой конкретики, в том числе и конкретики пространственной формы. Для чистого нормативизма, как его изображает Шмитт, неважно не только то, осуществлена ли норма в действительности, но и какова сама эта действительность, существующая в пространстве и времени. Пренебрежение пространством следует из универсальности и вневременности нормативного порядка. Аналогичным образом, кстати говоря, рассуждают и те социологи, которые слишком большое значение придают понятию нормы. Но вот децизионизм и даже дуализм нормативизма и децизионизма – это дело другое, потому что решение понимается не как умственное решение, не как состояние внутренней решимости, но как действие. Действие же означает преобразование самой действительности, осуществление. Поясняя свое понимание

²⁶ Schmitt C. Der Nomos der Erde. Op. cit. S. 19.

²⁷ См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сборник переводов. / Сост. С.В. Лезов: В 2-х вып. Вып.1. М.: ИНИОН, 1987; Вып.2. М.: ИНИОН, 1988.

²⁸ Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 33, 35.

²⁹ См.: Schmitt C. Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Zweite Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1993. S. 54-55.

децизионизма на примере Гоббса, Шмитт пишет: «...Суверенное решение ... возникает из нормативного ничто и конкретного беспорядка ... Чистый децизионизм предполагает беспорядок, который приводится в порядок лишь тем, *что* (не *как*) принимается решение»³⁰. Таким образом, оказывается, что суверен решает словно бы не просто *помимо еще не существующего* внутреннего порядка, но помимо любого порядка как такового, но не потому, что никакого порядка нет, а потому что решение суверена предполагает господствующий беспорядок. «Нет» и «предполагает» – разные вещи. Если порядка нет вообще, то его нет ни для кого. Для децизионистски понимаемого суверена порядка нет, независимо от того, есть порядок для кого-либо еще. Децизионист либерально-нормативистского толка думает иначе, говорит Шмитт. «Децизионистское мышление ... разрешает позитивное сопряжение с определенным фактическим моментом времени, когда из предшествующего ничто нормы или ничто порядка внезапно возникает позитивный закон, который, позитивным образом, только и может приниматься в расчет и который затем уже должен быть значим в качестве позитивной нормы»³¹. И хотя он будет значим даже и вопреки той воле, которая его создала, последним основанием этого закона позитивист все равно признает только решение.

Теперь мы видим, что означают для Шмитта исследования конкретных порядков, привязанных к пространственному расположению и ориентации в пространстве. Если в 30-е годы он попытался сделать возможным юридическое мышление при нацистском порядке и конкретный порядок был для него важнее не только абстрактных норм, но и вполне конкретного, превращающегося в повседневную практику политического произвола властителей, то в 40-50-е годы Шмитт опрокидывает свою схему на европейскую историю. Речь идет о том, как, когда и каким образом становилось возможным юридическое и политическое мышление порядка. Так, например, о Средних веках Шмитт пишет следующее: «Охватывающее международно-правовое единство европейского Средневековья называлось "Respublica Christiana" и "Populus Christianus". Оно имело ясную локализацию и ясный строй. Его номос был определен следующими членениями: территория не-христианских, языческих народов есть область христианской миссии; папа может своим поручением предназначить ее для исполнения христианской миссии какому-либо христианскому князю. Византийская империя, в которой находит свое непрерывное продолжение Римская империя, – это отдельная проблема права народов, но практически она затрагивает лишь Балканы и Восток. Территория исламских царств считалась враждебной областью, которую можно было завоевать и аннексировать крестовыми походами ... Существенно, что внутри христианской области войны между христианскими князьями суть войны огороженные. Они отличаются от войн против нехристианских князей и народов. Внутренние, оберегаемые войны не устраняют единства Respublica Christiana»³². Это очень важное, характерное для всего стиля Шмитта рассуждение. Если мы будем пользоваться привычными понятиями в их привычном значении, понять его будет очень трудно.

Прежде всего правильному пониманию идей Шмитта способствует отождествление любых более или менее внятных, территориально ограниченных политических единств с государствами. Шмитт критикует это понимание. Государства, считает он, возникают в Европе сравнительно поздно и, например, те два основных *порядка*, которые часто соперничают между собой в Respublica Christiana, порядок светской и порядок церковной власти, невозможно отождествить ни с одной категорией позднейшей политической мысли. То же следует сказать и о номосе, который не может и не должен быть истолкован как закон в современном понимании, потому что современный закон связан с деятельностью законодателя. Современное государство, которое устанавливает внутри себя некоторый закон, может *признавать международное право*. Но природа этого права не вполне ясна, если оно не сопряжено с некоторым конкретным порядком. Конкретный порядок меняется,

³⁰ Ibid. S. 24.

³¹ Ibid. S. 31.

³² Schmitt C. Der Nomos der Erde. Op. cit. S. 27-28.

как меняются и те политические единства, которые лишь по недоразумению обозначаются в современном языке как государства, как меняется и стоящее *выше них* право, которое лишь по недоразумению может именоваться для всех времен «международным».

Чтобы появились эти современные понятия, нужна была пространственная революция, как называет ее Шмитт. Пространственная революция связана, во-первых, с тем, что в результате великих географических открытий была открыта суша беззакония, пространство, где все можно было начинать с нуля, – но не так, как в море, где стихия свободы отрицала самое возможность прочных, видимых и устойчивых делений. Нет, Новый Свет был территорией уникальной, и подобное же могло бы произойти вновь, говорит Шмитт, только если бы пространством освоения для земель оказалось теперь свободное и доступное для действий небесное тело. Сюда, во-вторых, добавляется то, что одна из стран Европы, наконец, после нескольких веков в разной степени успешных попыток, о которых Шмитт вдохновенно повествует в «Земле и море», сделала решающий шаг к морскому существованию. Здесь появляется стихия безграничной свободы.

Собственно, на этом мы можем остановиться. Книга Шмитта – повторим еще раз – до сих пор говорит сама за себя. Всякий, кто пытается размышлять о правовом и политическом порядке, будь то всего глобального мира или отдельных его регионов, кто попытается выяснить значение формальных и содержательных аспектов международно-правового регулирования, кто вознамерится проследить хотя бы минимально отдаленные истоки господствующих политических идеологий в части соотношения мирового и суверенного порядков, не сможет миновать труды Шмитта. Их более глубокое теоретическое значение еще ждет своего осмысления. И на пути этого осмысления тематизация пространства и его порядков будет оставаться важной, непременно подлежащей обсуждению задачей.